

Наира Погосян¹

к.ф.н., доцент

**РАСКРЫВАЯ (НЕ)ТРАДИЦИОННЫЕ «МЕСТА ПАМЯТИ»:
АРМЯНОГРАФИЧНЫЕ ТУРЕЦКОЯЗЫЧНЫЕ МЕМУАРЫ**

DOI 10.46991/jos.2024.26.2.156

Взаимодействие наций, религий и языков, неизбежное в рамках любой империи, приводит к переплетению культур и менталитетов, создавая новые, смешанные или промежуточные формы. Одним из примеров такого симбиоза является армянографичный турецкий – редкое и интересное явление, объединяющее элементы двух языков. Цель данной статьи – представить мемуары двух очевидцев Геноцида армян 1915 года, написанные на турецком языке с использованием армянской графики. Исследуемые записи рассказывают истории двух семей, проживавших до геноцида в Айнтабе (Антен) и Дёртйоле (арм. Чорк Марзпан). Во время Первой мировой войны они были насильственно изгнаны, а их судьбы отразили трагическую историю целой нации, пережившей депортацию, голод и резню.

Ключевые слова: армянографичный турецкий, мемуары, места памяти, геноцид армян

Введение

Изучение индивидуальной и коллективной памяти уже несколько десятилетий является одним из актуальных направлений гуманитарных наук. И хотя, например, теоретики Антзен и Ламбек утверждают, что «единственная память, о которой стоит говорить <...>, – это травматическая память»², ученые продолжают изучать особенности формирования, хранения и передачи памяти, выделять новые категории. Еще в 2007 г. канадский нейробиолог и психолог Э. Тулвинг выделил в

¹ Эл. почта nairapoghosyan@ysu.am, ORCID 000-0003-3682-328X.

² Arnold-de Simine, Silke, Trauma and Memory, in Trauma and Literature, ed. by J. Roger Kurtz, Cambridge University Press, 2018, pp. 140-152, p. 141.

общей сложности 256 типов памяти, в число которых он включил такие понятия, как «историческая память», «коллективная память», «культурная память» и «социальная память», часто используемые в антропологических и культурологических исследованиях.³ Такое разнообразие подходов свидетельствует об актуальности и важности проблемы. Однако при изучении принципов формирования/функционирования памяти всего общества или определенной социальной группы, не стоит оставлять без внимания и память отдельно взятых людей, зафиксированную в их дневниках, записках и мемуарах, зачастую хранящих мелкие, но значимые детали, помогающие дополнить картину мира.

Цель данной статьи – представить мемуары-записки⁴ двух очевидцев Геноцида армян 1915 г. на турецком языке с использованием армянской графики, хранящиеся в Музее-институте Геноцида в Ереване.⁵ В качестве методологической основы нашей статьи мы использовали широко известную теорию «мест памяти» (фр. «lieux de mémoire») французского историка Пьера Нора, который определяет места памяти как останки, как «крайнюю форму, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нем. Музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты, протоколы, монументы, храмы, ассоциации – все эти ценности в себе – свидетели другой эпохи, иллюзии вечности. Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит – нужно

³ Там же.

⁴ Чудом спасшиеся от Геноцида армяне начали писать свои истории уже в то время, когда сам геноцид все еще продолжался. Эти армяне искали возможности рассказать о своих личных переживаниях, в основном на армянском языке, но также и на английском и других языках. Хотя некоторые мемуары были опубликованы и стали известны более широкому кругу читателей, большинство из них остаются неизвестными. Все они ценны как исторический документ и как носитель памяти. Подробнее см. *Genocide Survivor Memoirs in Armenian & English, 1918-1955*, <https://naasr.org/blogs/treasures-of-naasrsmardigian-library/genocide-survivor-memoirs-in-armenian-english-1918-1955> (дата обращения 04.05.2024).

⁵ В коллекции Музея -института Геноцида армян 500 неопубликованных дневников и мемуаров, см. *The AGMI Collection of Unpublished Memoirs*, http://www.genocide-museum.am/eng/18_ag_20.php (дата обращения 25.05.2024).

создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными».⁶ И хотя сам П. Нора использует эту концепцию в контексте коллективной/групповой памяти, мы посчитали возможным применить ее и к представленным нами мемуарам, потому что их авторы сознательно создавали «место» для своих воспоминаний в надежде сохранить их и передать другим поколениям. Выбор языка мемуаров тоже, скорее всего, неслучаен: он призван скрыть текст от любопытных глаз, превратив тем самым записки в укромное «место/гнездо семейной памяти».

Сочетать несочетаемое: армянская графика и турецкий язык

Взаимодействие наций, религий и языков, неизбежное на территории любой империи, ведет к переплетению культур, традиций, менталитетов и порождает новые, смешанные/промежуточные формы. Армянографичный турецкий (турецкие слова, написанные армянскими буквами, *հայափրկ թուրքերն* – Hayataṙ T'r'keren⁷, на турецком – *Ermeni harfli Türkçe*) – непривычная интересная форма симбиоза двух языков.⁸ Корпус армянографичных текстов, ведущий свое начало с XIV

⁶ Проблематика мест памяти, Франция-память, П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок, пер. с фр.: Дина Хапаева, Санкт-Петербург, 1999, с. 17-50, с. 26.

⁷ Для транскрипции армянских слов мы использовали систему Library of Congress – <https://www.loc.gov/catdir/cpsd/romanization/armenian.pdf> (дата обращения 04.05.2024).

⁸ Аналогичны армянографичному турецкому греко-турецкий (караманликдика), иудео-турецкий, ассирио-турецкий. Однако, как утверждает один из крупнейших специалистов в этой области Й. Штраус, «билингвизм был широко распространен среди армян, потому что они всегда лучше греков владели турецким, и армянографичные турецкоязычные книги (которых значительно больше, чем на караманлидике) всегда имели широкий круг читателей» [Strauss J., 'The Millets and the Ottoman Language. The Contribution of Ottoman Greeks to Ottoman Letters (19th - 20th Centuries)', *Die Welt Des Islams* 35 (2), 1995, pp. 189-249, p. 211, <http://www.jstor.org/stable/1571230>] (дата обращения 04.05.2023).

Подробнее о караманлидике см. *Between Religion and Language. Turkish-Speaking Christians, Jews and Greek-Speaking Muslims and Catholics in the Ottoman Empire*, ed. by E. Balta and M. Ölmez, Istanbul, 2011, pp. 15-318; Balta E., *Translating Books from Greek into Turkish for the Karamanli Orthodox Christians of Anatolia (1718-1856)*, *International Journal*

в., достаточно многочисленный и разнообразный: от надгробных надписей и ашугских (уличные певцы, трубодуры) песен, до печатных переводов религиозных текстов, романов и пьес, от словарей, учебников и периодической прессы до рукописных дневников, мемуаров и частных писем.⁹ Интересно, что даже после геноцида 1915 г. армяне, разбросанные волей судьбы по всему миру, использовали его в книгопечатании и в повседневной жизни. Логично полагать, что основной аудиторией армянографичного турецкого были туркоязычные армяне, о чем еще в 1902 г. писал крупный армянский лингвист Гр. Ачарян.¹⁰ В определенной степени поддерживая его, уже в наше время профессор Б. Дер-Матосьян предполагает, что армянографичный турецкий использовался туркоязычными армянами, чтобы подчеркнуть свою уникальность и отличие от доминирующей культуры.¹¹ Между тем, профессор С.Д. Асланян пишет: «Круг читателей армянографичных турецких книг по-прежнему остается загадкой. Несомненно, что в восемнадцатом веке и первой половине девятнадцатого века большинство читателей составляли армяне-католики, проживающие преимущественно в таких крупных городах, как Стамбул и Измир, а также, но в меньшей степени, в Анкаре и других окружающих городах и поселениях. Однако вызывает удивление, как много армянографичных турецких печатных текстов попало в сельскую местность, где уровень грамотности, безусловно, был значительно ниже,

Turkish Studies, 23 (1&2), 2017, pp. 19-33, https://evangeliabalta.com/old/kitap/61_review.pdf. (дата обращения 15.05.2024)

⁹ Ստեփանյան Հ., Ցուցակ հայերեն ձեռագրերի հայատառ թուրքերեն նիւթերի եւ հայատառ թուրքերեն ձեռագրերի, Երեւանի Մաշտոցի անվան մատենադարանի եւ Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածնի ձեռագրեր, Ա մաս, Երևան, 2008.

¹⁰ По классификации Г. Ачаряна, турецкоподданные армяне делились на три группы: 1. Армяне, которые полностью поддались языковой ассимиляции и могут считаться туркоговорящими; 2. Армяне, в речи которых турецкий словарный пласт превалирует над армянским; 3. Армяне, которые используют незначительное количество турецких слов в своем лексиконе. Подробнее см. Աճառեան Հ., Թուրքերէնէ փոխառեալ բառերը Պօլսի հայ ժողովրդական լեզուին մէջ համեմատութեամբ Վանի, Ղարաբաղի եւ Նոր-Նախիջեւանի բարբառներուն, Հատոր Գ, Մոսկվա-Վաղարշապատ, 1902

¹¹ Der Matossian B., The Development of Armeno-Turkish (HayatarT'rk'erēn) in the 19th Century Ottoman Empire Marking and Crossing Ethnoreligious Boundaries, Intellectual History of the Islamicate World, 8, 2020, pp. 67-100, p. 71.

чем в городских центрах».¹² Со своей стороны один из крупнейших современных специалистов в данной области М. Джанкара утверждает, что «армянографичный турецкий, особенно в течение девятнадцатого века, мог служить письменным «лингва франка» среди представителей различных этнических, религиозных и языковых групп в Османской империи».¹³ Отсутствие единого принятого мнения по данному вопросу свидетельствует о том, что разные аспекты феномена армянографичного турецкого долгое время были практически вне внимания ученых и в Армении, и в Турции. Надо отметить, что ситуация несколько изменилась за последние пятнадцать-двадцать лет, однако публикации на эту тему в основном касались печатного наследия.¹⁴ Между тем С.Д. Асланян отмечает, что «наряду с большим количеством печатных работ на армянографичном турецком, существовало такое же огромное, но менее доступное литературное наследие в рукописной форме, значительная часть которого разбросана по архивам и по коллекциям рукописей в полудюжине стран».¹⁵

¹² Aslanian S. D., Prepared in the Language of the Hagarites: Abbot Mkhitar's 1727 Armeno-Turkish Grammar of Modern Western Armenian, *Journal of the Society for Armenian Studies*, 25, 2016, pp. 54-86, p. 71.

¹³ Cankara M., Rethinking Ottoman Cross-Cultural Encounters: Turks and the Armenian Alphabet, *Middle Eastern Studies*, 51:1, 2015, 1-16, p. 1.

¹⁴ Pamukciyan, K., *Ermeni Harfli Türkçe Edebiyat*, ed. Osman Köker, İstanbul, 2002; Mignon, L., A pilgrim's progress: Armenian and Kurdish literatures in Turkish and the rewriting of literary history, *Patterns of Prejudice*, 48:2, 2014, pp. 182-200; Ergen S., Son dönem Osmanlı Yemek Kültüründe Ermeni Mutfağının Katkısı *Ermeni harfli Türkçe yemek kitapları*, İstanbul, 2019, Uygur K., Yalkın C., Uygur S., Market-making strategies in Tanzimat era İstanbul: The quest for an elusive cosmopolitanism, *Business History*, 2023, pp. 1-31. <https://doi.org/10.1080/00076791.2023.2279128>, Masayuki U., One Script, Two Languages: Garabed Panosian and His Armeno-Turkish Newspapers in the Nineteenth-Century Ottoman Empire, *Middle Eastern Studies*, 52(4), 2016, pp. 605-622, Kiraz E., *Osmanlı Mizah Basınınin Başlangıcı: Ermeni Harfli Türkçe Mizah Gazetesi Zvarcakhos "Latifeci" (1856)*, İstanbul, 2024.

¹⁵ Aslanian S. D., Prepared in the Language of the Hagarites: Abbot Mkhitar's 1727 Armeno-Turkish Grammar of Modern Western Armenian, p. 61.

Мемуары как «место памяти» ужасов пережитого и жизни, которую не вернуть: Пенон Василян и Манук Берберян рассказывают о себе

Записи из двух тетрадей, находящихся в поле нашего исследования, представляют истории двух семей, проживавших в Айнтабе (Антеп) и Дёртйоле (на арм. Чорк Марзпан) до армянского геноцида и насильственно изгнанных во время Первой мировой войны, и, по сути, отражают историю целой нации, осужденной на депортацию, голод и резню.

Мемуары Пенона Василяна – это подробное описание жизни в Дёртйоле.¹⁶ Автор рассказывает не только о своем городе, но и о соседних армянских и турецких деревнях. В микроисторической хронике Пенона Василяна описывается социальная, экономическая, политическая и культурная жизнь на имперской периферии на фоне общей социальной и политической ситуации в стране и показаны восприятие и идентичность людей, живущих в многорелигиозном и многоязычном обществе до Первой мировой войны.

Родившись в 1903 г., П. Василян застал резню армян в Адане 1909 г. в дни героической самообороны в Дёртйоле. Отец Пенона был сапожником в турецкой деревне Дегирмен Дереси, недалеко от города, и деревенский староста помог их семье в 1909 г., когда началась охота на «гяуров» (неверных) («գեղւոր իշխ»¹⁷ [kevur avi]). Тот же деревенский староста предложил помощь семье Пенона, когда началась депортация в 1915 г. Однако отец Пенона предпочел уйти вместе с родственниками. Видя голод, болезни и регулярные атаки солдат, Пенон решил бежать, чтобы спастись. После трехлетнего путешествия он вернулся в Дёртйол, нашел своих сестер, женился и жил там до 1938 г. Когда французская армия покинула Хатай, Пенон переехал в Бейрут, затем во Францию, а позже, в 1946 г., в Советскую Армению.

¹⁶ Мемуары П. Василяна, архив Музея-института Геноцида армян, №338 (206).

¹⁷ Для транскрипции армянографичных турецких текстов, мы использовали систему, предложенную Ю. Челик и А. Саргсян. Подробнее см. Çelik H., Sargsyan, A. Introducing Transcription Standards for Armeno-Turkish Literary Studies, Diyâr Zeitschrift für Osmanistik, Türkei- und Nahostforschung, 3 (2), 2022, pp. 161-189.

В отличие от упомянутой выше хроники, Манук Берберян, автор других мемуаров, начинает свой рассказ с депортации и завершает его воссоединением с родственниками в Алеппо. На первой странице Манук Берберян упоминает, что в 1914 г., когда ему было 7 лет и началась призывная кампания, и армяне все еще наслаждались спокойной жизнью в своей стране, ему приснился кошмар, которому суждено было стать явью: «*Sene 1914 tarihindeyaşım 7 sefer birlik senesinde daha ermeniler herkeşe rahat memleketinde zevk ve sefali günlerimizde gecenin birinde bir rüya gördüm*»¹⁸(В 1914 г., мне было 7 лет, год мобилизации, армяне спокойно жили в стране, в один из чудесных дней в час ночи мне приснился сон).¹⁹

Спустя несколько месяцев этот кошмар стал реальностью. Манук во время своего двенадцатилетнего «путешествия» в районе Дер эз-Зор видел ужасы геноцида, резню. Манук стал свидетелем смерти всей своей семьи. Только ему и его пятилетнему брату удалось спастись, и после скитаний их усыновили две разные арабские семьи из одного и того же кочевого племени. Братьев обратили в ислам. Мануку дали имя Али, а его брата Бузанда называли Салих. Хотя они и оказались в безопасности, кочевая жизнь была слишком трудной для братьев. Бузанд умер в 1916 г. После смерти брата Манук сначала переехал в Тель-Афар, а затем в Джизре. В 1925 г. он узнал, что сыновья его тёти живут в Алеппо, и решил переехать туда.

Истории П. Василяна и М. Берберяна, двух людей, которые, вероятно, никогда не встречались, являются частями общей судьбы выживших в Геноциде армян, их объединила «воля к жизни».²⁰ Во время депортации и Пенон, и Манук «пообещали» себе выжить, несмотря ни на

¹⁸ Мемуары М. Берберяна, архив Музея-института Геноцида армян, № 4939 (162).

¹⁹ В латинской транскрипции сохранены орфография и пунктуация автора. Перевод Н.П.

²⁰ Концепция «воли к жизни» («will-to-live») использована В. Кетсеманьяном при описании спасшегося во время геноцида Геворка Кайсеряна. Истории очень похожи, и концепт применим и в нашем случае Ketsemanian V., When the Voiceless Speak: Self-Narratives of Two Genocide Survivors <https://evnreport.com/magazine-issues/when-the-voiceless-speak-self-narratives-of-two-genocide-survivors/> (Accessed 06.05.2022).

что, и сдержали это обещание. Для немецкого философа А. Шопенгауэра предложенная им концепция «воли к жизни» – это не принцип самосознания и рационально насыщенной воли, а то, что он просто называет «волей»: бездумный, бесцельный, нерациональный импульс, лежащий в основе наших инстинктивных побуждений и основополагающего бытия всего доступного.²¹ Спустя годы после спасения, Манук и Пенон начинают писать мемуары, восстанавливая «место своих воспоминаний». Первая запись в тетради П. Василяна гласит: «Benon Vasilyanin romani 6 yaştan 1909 dan 1985 de romani. Vasilian Penon Dörtüolda doğmuş 1903 tarihte 1985te bütün ömründe başına gelenleri ve gördüğü geçtiği günlerin tomanini yazmıştır» (История Пенона Василяна с 6 лет, с 1909-го г. по 1985 г. Василян Пенон родился в 1903 г. в Дёртйоле, в 1985 г. описал все, через что ему пришлось пройти и повидать в течение жизни. М. Берберян же назвал свои мемуары «Manuk Berberianin terzor vukuatından Kurtuluşu» [Спасение Манука Берберяна из Тер Зора]²².

Практика обмена травматическими воспоминаниями через национальные и культурные границы для заживления ран, похоже, работает и на личном уровне. В атмосфере советского правления, где тема геноцида в основном не озвучивалась, эти дневники для будущих поколений являются уникальным источником сохранения и передачи воспоминаний о геноциде.

Тоска по родине, ностальгия и надежда на возвращение отражены в сочиненных авторами мемуаров стихах и песнях. Более того, Манук Берберян пишет, что именно песни помогали выжить в мучительные дни в Дер-эз-Зоре. Тематика ряда стихов Пенона Василяна очень близки темам, выбранным М. Берберяном: родина, тоска, печаль, боль утраты. Однако завершают свое повествование оба автора на положительной ноте, с надеждой и верой в будущее. Приведем отрывок из песни М. Берберяна, написанной на последних трех страницах его дневника:

²¹ Там же.

²² Мемуары М. Берберяна, архив Музея-институт Геноцида армян, № 4939 (162).

<i>Sürdü türkler bizi dağlar taşlar</i>	<i>Турки изгнали нас в горы и скалы</i>
<i>Etiler tayin kurtlar kuşlara</i>	<i>Они хотели, чтобы на нас</i>
<i>нападали волки и птицы</i>	
<i>Seyredin gözlerimden akan yaşlara</i>	<i>Вы - свидетели моих слез</i>
<i>Ya ben ağlamayayım kimler ağlasın</i>	<i>Кто еще должен плакать, если не я?</i>
<i>Bundan böyle khaçepaş²³ valideler</i>	<i>Теперь я говорю, христианские</i>
	<i>матери</i>
<i>Beşikteki çocuklarına şöyle ninni</i>	<i>В ваших песнях говорите детям</i>
<i>Çalmanız gerek</i>	
<i>Sende bu dünyaya geldin</i>	<i>“Ты пришел в этот мир, мое дитя,</i>
<i>Beşikteki yatan çocuk</i>	<i>Не подведи меня, ты должен</i>
	<i>отомстить!”</i>
<i>Ak sütüm haram ettirme,</i>	
<i>Bu vasiyeti etti manuk</i>	<i>Это воля Мануга,</i>
<i>Uyu bunda ninni çocuk</i>	<i>Спи, мой малыш, слушай мою</i>
	<i>песню,</i>
<i>Var derdimiz hadden aşık</i>	<i>У нас так много горя,</i>
<i>Almalisin intikami</i>	<i>Ты пришел в этот мир, чтобы</i>
	<i>отомстить.</i>

Глубокая печаль о потере семьи и родины – главные мотивы стихов Манука Берберяна. В то же время он считает, что родившиеся дети однажды станут бороться за возвращение на свою родину.

Почти те же идеи прослеживаются и в стихотворении Пенона Василяна, написанном 18 апреля 1984 г.

<i>Şimdi ben yazayım benim aşkimi</i>	<i>Теперь я напишу о своей любви,</i>
<i>Bu aşk benim ağrıyor başımı</i>	<i>Эта любовь заставляет меня</i>
	<i>страдать,</i>

²³ Имеется в виду армянское слово *խաչերաժ* [khaçerašt], синоним слова *христианин* в армянском языке.

*Akiliyor gözlerimin yaşını
başımda Kikilikyanin sedası*

*Она заставляет меня плакать,
Моя печаль по Киликии.*

*Unutulmaz bu vatan davası
değişilir çalgıların havası
eyi olmaz ermeniyin yarası
olmadıkca bize vatan kilikya
Günler gelir geçerlar bir emir
Toplanır devletler bir yere gelir
Kilikyayı da Ermeniyeye verilir
Gidilir morunlar vatanlarına*

*Нельзя забыть о долге перед родиной,
В мире многое изменится,
не может зажить рана армян,
пока Киликия не отдана нам.
Время пройдет,
Соберутся великие державы,
Отдадут Киликию армянам,
Поедут мои внуки на родину.*

Таким образом, оба автора заканчивают свой рассказ с надеждой на возвращение на родину, если не их самих, то их детей. Они не хотят забывать ужас произошедшего, а наоборот, хотят поделиться им со своими близкими, создавая для них «место», откуда они смогут узнать семейную историю.

Заключение

В заключение хотелось бы отметить, что исследованные нами мемуары в качестве первоисточника одинаково ценны для историографических, лингвистических исследований, антропологического анализа. Материалы, включенные в тексты, могут быть полезны не только для исследователей исторических аспектов Геноцида армян, но и для тех, кто хочет изучить историю социальной и культурной жизни армян Османской империи, а также сосредоточиться на культурных взаимодействиях в Империи. По тексту записей можно проследить особенности словарного запаса и грамматических конструкций разговорного турецкого языка того времени. Проанализировав эти мемуары, можно с уверенностью утверждать, что армяно-турецкий язык широко использовался не только грамотными людьми и элитой, но и в некоторых районах был письменным языком простого народа и использовался повседневно.

**ԲԱՅԱՀԱՅՏԵԼՈՎ «ՀԻՇՈՂՈՒԹՅԱՆ (ՈՉ) ԱՎԱՆԴԱԿԱՆ ՎԱՅՐԵՐԸ».
ՀԱՅԱՏԱՌԻ ԹՈՒՐԲԵՐԵՆ ՀՈՒՇԱԳՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐ**

Նաիրա Պողոսյան²⁴

Ազգերի, կրոնների և լեզուների փոխազդեցությունը, որը անխուսափելի է ցանկացած կայսրությունում, հանգեցնում է մշակույթների և աշխարհընկալումների միախառնման՝ սրեղծելով նոր, խառը կամ միջանկյալ ձևեր: Նմանատիպ սիմբիոզի օրինակ է հայապատ թուրքերենը, որն իր մեջ միավորում է երկու լեզուների տարրերը: Սույն հոդվածի նպատակն է ներկայացնել 1915 թվականի Հայոց ցեղասպանության երկու ականատեսների հայապատ թուրքերեն հուշերը: Մեր հետազոտության ծիրում գտնվող օրագրերը պատմում են ցեղասպանությունից առաջ Այնթապում (Անթեփ) և Դյորթյուլում (հայ. Չորք-Մարգ-պան) ապրած երկու ընտանիքների պատմությունները: Առաջին համաշխարհային պատերազմի ընթացքում բռնի տեղահանված այս մարդկանց ճակատագիրը արտացոլում է գաղթ, սով և կոտորած վերապրած մի ողջ ժողովրդի ողբերգական պատմությունը:

Բանալի բառեր՝ հայապատ թուրքերեն, հուշեր, հիշողության տեղեր, հայոց ցեղասպանություն

**EXPLORING THE (UN)USUAL “SITES OF MEMORY”: ARMENIAN-SCRIPT
TURKISH MEMOIRS**

Naira Poghosyan²⁵

The entanglement of nations, religions, and languages, which is inevitable in any empire, leads to the minglings of cultures and worldviews, creating new, mixed, or intermediate forms. Armenian-script Turkish, which combines elements of both languages is an example of such a symbiosis. The purpose of this article is to present the memoirs written in Armenian-script Turkish by two eyewitnesses of the Armenian Genocide of 1915. The diaries under study recall the stories of two

²⁴ Նաիրա Պողոսյանը ԵՊՀ արևելագիտության ամբիոնի թուրքագիտության ամբիոնի դոցենտ է, ք.գ.թ., էլ. փոստ՝ nairapoghosyan@ysu.am, ORCID 000-0003-3682-328X:

²⁵ Naira Poghosyan is an Associate Professor of the Department of Turkic Studies of the Faculty of Oriental Studies at YSU, PhD, E-mail: nairapoghosyan@ysu.am, ORCID 000-0003-3682-328X.

families who lived in Aintab (Antep) and Dörtöl (Arm. Chork-Marzpan) before the genocide. The tragic fate of these people, forcibly displaced during World War I, reflects the harrowing history of an entire nation that endured deportation, starvation, and massacres.

Keywords: Armeno-Turkish, memoirs, places of memory, Armenian Genocide

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Աճառեան Հ., Թուրքերէնէ փոխառեալ բառերը Պօլսի հայ ժողովրդական լեզուին մէջ համեմատութեամբ Վանի, Ղարաբաղի եւ Նոր-Նախիջեանի բարբառներուն Լազարեան Ճեմարան Արեւելեան Լեզուաց, Մոսկուա-Վաղարշապատ, 1902:

2. Ստեփանյան Հ., Յուցակ հայերէն ձեռագրերի հայատառ թուրքերէն նիւթերի եւ հայատառ թուրքերէն ձեռագրերի, Երեւանի Մաշտոցի անվան մատենադարանի եւ Մայր Աթոռ Սուրբ Էջմիածնի ձեռագրեր, Ա մաս, Երևան, 2008:

3. Воспоминания М. Берберяна, № 4939 (162), Музей-институт геноцида армян

4. Мемуары П. Василяна, №338 (206), Музей-институт геноцида армян

5. Проблематика мест памяти, Франция-память, П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок, пер. с фр.: Д. Хапаева, Санкт-Петербург, 1999, с. 17-50.

6. De Simine Silke A., Trauma and Memory, in Trauma and Literature, ed. by J. Roger Kurtz, Cambridge University Press, 2018, pp. 140-152.

7. Aslanian S. D., «Prepared in the Language of the Hagarites»: Abbot Mkhitar's 1727 Armeno-Turkish Grammar of Modern Western Armenian, Journal of the Society for Armenian Studies, 25, 2016, pp. 54-86.

8. Balta E., Translating Books from Greek into Turkish for the Karamanli Orthodox Christians of Anatolia (1718-1856)', International Journal Turkish Studies, 23 (1&2), 2017, pp. 19-33, https://evangelialbalta.com/old/kitap/61_review.pdf . (дата обращения 15.05.2024)

9. Between Religion and Language. Turkish-Speaking Christians, Jews and Greek-Speaking Muslims and Catholics in the Ottoman Empire, ed. by E. Balta and M. Ölmez, Istanbul, 2011, pp. 15-318.

10. Cankara M., Rethinking Ottoman Cross-Cultural Encounters: Turks and the Armenian Alphabet, Middle Eastern Studies, 51:1, 2015, pp. 1-16.

11. Çelik H., Sargsyan A. Introducing Transcription Standards for Armeno-Turkish Literary Studies, *Diyâr Zeitschrift für Osmanistik, Türkei- und Nahostforschung*, 3. Jg. 2, 2022, pp. 161-189.
12. Der Matossian B., The Development of Armeno-Turkish (HayatarT'rk'erēn) in the 19th Century Ottoman Empire Marking and Crossing Ethnoreligious Boundaries, *Intellectual History of the Islamicate World*, 8, 2020, pp. 67-100.
13. Ergen S., *Son Dönem Osmanli Yemek Kültüründe Ermeni Mutfağının Katkisi Ermeni harfli Türkçe Yemek Kitapları*, İstanbul, 2019.
14. Genocide Survivor Memoirs in Armenian & English, 1918-1955, <https://naasr.org/blogs/treasures-of-naasrs-mardigian-library/genocide-survivor-memoirs-in-armenian-english-1918-1955> (дата обращения 04.05.2024).
15. Ketsemanian V., When the Voiceless Speak: Self-Narratives of Two Genocide Survivors <https://evnreport.com/magazine-issues/when-the-voiceless-speak-self-narratives-of-two-genocide-survivors/> (дата обращения 06.05.2022).
16. Masayuki U., One Script, Two Languages: Garabed Panosian and His Armeno-Turkish Newspapers in the Nineteenth-Century Ottoman Empire'. *Middle Eastern Studies*, 52(4), 2016, pp. 605- 622,
17. Kiraz E., *Osmanli Mizah Basininin Başlangici: ErmeniHarfli Türkçe Mizah Gazetesi Zvarcakhos «Latifeci» (1856)*, İstanbul, 2024.
18. Mignon L., A pilgrim's progress: Armenian and Kurdish literatures in Turkish and the rewriting of literary history, *Patterns of Prejudice*, 48:2, 2014, pp. 182-200.
19. Pamukciyan K., *Ermeni Harfli Türkçe Edebiyat*, ed. Osman Köker, İstanbul, 2002.
20. Strauss J., The Millets and the Ottoman Language. The Contribution of Ottoman Greeks to Ottoman Letters (19th-20th Centuries), *Die Welt Des Islams*, 35 (2), 1995, pp. 189-249 <http://www.jstor.org/stable/1571230> (дата обращения 04.05.2023).
21. The AGMI Collection of Unpublished Memoirs, http://www.genocide-museum.am/eng/18_ag_20.php (дата обращения 25.05.2024).
22. Uygur K., Yalkin C., Uygur S., Market-making strategies in Tanzimat Era Istanbul: The Quest for an Elusive Cosmopolitanism, *Business History*, 2023, pp. 1-31, <https://doi.org/10.1080/00076791.2023.2279128>.